

*For Walter I. Bradbury
neither uncle nor cousin
but most decidedly
editor and friend.
Summer, 1974*

It was a quiet morning, the town covered over with darkness and at ease in bed. Summer gathered in the weather, the wind had the proper touch, the breathing of the world was long and warm and slow. You had only to rise, lean from your window, and know that this indeed was the first real time of freedom and living, this was the first morning of summer.

Douglas Spaulding, twelve, freshly wakened, let summer idle him on its early-morning stream. Lying in his third-story cupola bedroom, he felt the tall power it gave him, riding high in the June wind, the grandest tower in town. At night, when the trees washed together, he flashed his gaze like a beacon from this lighthouse in all directions over swarming seas of elm and oak and maple. Now...

“Boy,” whispered Douglas.

A whole summer ahead to cross off the calendar, day by day. Like the goddess Siva in the travel books, he saw his hands jump everywhere, pluck sour apples, peaches, and midnight plums. He would be clothed in trees and bushes and rivers. He would freeze, gladly, in the hoarfrosted icehouse door. He would bake,

*Уолтеру И. Брэдбери,
Не дядюшке, не кузену,
А самым решительным образом —
Редактору и другу!
Лето, 1974*

Безмятежное утро. Город, укутанный во тьму, нежится в постели. Погода насыщена летом. Дуновение ветра — блаженство. Теплое дыхание мира — ровно и размеренно. Встань, выгляни из окна, и тебя мгновенно осенит — вот же он, первый миг всамделишной свободы и жизни, первое летнее утро.

В сей предрассветный час на третьем этаже в спальне под стрельчатым потолком только что проснулся Дуглас Сполдинг, двенадцати лет от роду, и доверчиво пустился в плавание по лету. Его окрыляла высота самой внушительной башни в городе, что позволяла ему реять на июньских ветрах. По ночам, когда кроны деревьев волнами накатывали друг на друга, он метал свой взор, словно луч маяка, во все стороны поверх буйного моря ясеня, дуба и клена. Но сейчас...

— Ух ты, — прошептал Дуглас.

Впереди целое лето, день за днем, предстояло вычеркнуть из календаря. Он представил, что его руки, как у богини Шивы из путеводителя, мечутся во все стороны, обрывая кисленькие яблочки, персики и черные сливы. Он облачится в листву дерев и кустарников, окунется в речные воды. Он

happily, with ten thousand chickens, in Grandma's kitchen.

But now — a familiar task awaited him.

One night each week he was allowed to leave his father, his mother, and his younger brother Tom asleep in their small house next door and run here, up the dark spiral stairs to his grandparents' cupola, and in this sorcerer's tower sleep with thunders and visions, to wake before the crystal jingle of milk bottles and perform his ritual magic.

He stood at the open window in the dark, took a deep breath and exhaled.

The street lights, like candles on a black cake, went out. He exhaled again and again and the stars began to vanish.

Douglas smiled. He pointed a finger.

There, and there. Now over here, and here...

Yellow squares were cut in the dim morning earth as house lights winked slowly on. A sprinkle of windows came suddenly alight miles off in dawn country.

"Everyone yawn. Everyone up."

The great house stirred below.

"Grandpa, get your teeth from the water glass!" He waited a decent interval. "Grandma and Great-grandma, fry hot cakes!"

The warm scent of fried batter rose in the drafty halls to stir the boarders, the aunts, the uncles, the visiting cousins, in their rooms.

не без удовольствия будет примерзать к заиндевелым дверцам ледника. Он будет радостно поджариваться на бабушкиной кухне за компанию с целым десятком тыщ курочек.

Но сейчас ему предстояла привычная задача.

Раз в неделю ему разрешалось оставить на одну ночь папу, маму и младшего братишку Тома в домике по соседству и прибежать сюда, взлететь по мрачной винтовой лестнице под бабушкин-дедушкин купол, укладываясь спать в этой колдовской башне, среди раскатов грома и призраков, чтобы пробудиться до хрустального перезвона молочных бутылей и сотворить свой чародейский обряд.

Он встал во тьме перед распахнутым окном, сделал глубокий вдох и выдохнул.

Тут же погасли уличные фонари, словно свечки на черном пироге. Он выдыхал снова и снова — стали исчезать звезды.

Дуглас улыбался, указуя пальчиком.

Туда и туда. Теперь — сюда и сюда...

На сумрачной предутренней земле прорезывались желтые квадратики. Вдруг в предрассветном далеке зажглась россыпь окон.

— Все зевнули. Хором! И встали.

Большой дом под его ногами пришел в движение.

— Деда, вылавливай зубы из стакана! — Он выдержал должную паузу. — Бабуля, прабабушка, принимайтесь печь горячие блинчики!

Сквозняк разнес теплое благоухание текучей блинной массы по коридорам, дразня ароматом постояльцев, тетюшек, дядюшек и кузенов в гостевых опочивальнях.

“Street where all the Old People live, wake up! Miss Helen Loomis, Colonel Freeleigh, Miss Bentley! Cough, get up, take pills, move around! Mr. Jonas, hitch up your horse, get your junk wagon out and around!”

The bleak mansions across the town ravine opened baleful dragon eyes. Soon, in the morning avenues below, two old women would glide their electric Green Machine, waving at all the dogs.

“Mr. Tridden, run to the carbarn!”

Soon, scattering hot blue sparks above it, the town trolley would sail the rivering brick streets.

“Ready John Huff, Charlie Woodman?” whispered Douglas to the Street of Children.

“Ready!” to baseballs sponged deep in wet lawns, to rope swings hung empty in trees.

“Mom, Dad, Tom, wake up.”

Clock alarms tinkled faintly. The courthouse clock boomed. Birds leaped from trees like a net thrown by his hand, singing. Douglas, conducting an orchestra, pointed to the eastern sky.

The sun began to rise.

He folded his arms and smiled a magician’s smile.

Yes, sir, he thought, everyone jumps, everyone runs when I yell. It’ll be a fine season.

— Улица Всех-Превсех Стариков и Старушек, просыпайся! Мисс Элен Лумис, полковник Фрилей, миссис Бентли! Ну-ка, прокашлялись! Встали с постели! Приняли пилюли! И — ходу! Мистер Джонас, запрягайте свою лошадку, выкатывайте свой фургон с добром!

Неприветливые дома по ту сторону оврага открыли недобрые драконьи глазищи. Вскоре вниз по утренним улицам две пожилые дамы покатают на своей электрической Зеленой Машине, приветствуя всех собачек.

— Мистер Тридден, бегите в трамвайное депо!

И вот уже, рассыпая раскаленные голубые искры, городской трамвай плывет по руслу мощенных кирпичом улиц.

— Джон Хафф? Чарли Вудмен? Готовы? — прошептал Дуглас Детской улице.

— Готовы! — раскисшим лужайкам, чью росу впитали бейсбольные мячики, словно губки, пустым веревочным качелям на ветвях деревьев.

— Мама, папа, Том, просыпайтесь!

Будильники ласково затренькали. Часы на здании суда гулко загудели. Птицы вспорхнули с деревьев, как сеть, закинутая его рукой, рассыпая свои трели. Дуглас — дирижер оркестра простер руку к небу на востоке.

И Солнце начало восходить.

Он сложил руки на груди и расплылся в улыбке настоящего волшебника.

«Вот так-то, — подумал он, — стоит мне только повелеть, как все срываются с места и бегут! Лето выдастся на славу».

He gave the town a last snap of his fingers.
Doors slammed open; people stepped out.

Summer 1928 began.

Crossing the lawn that morning, Douglas Spaulding broke a spider web with his face. A single invisible line on the air touched his brow and snapped without a sound.

So, with the subtlest of incidents, he knew that this day was going to be different. It would be different also, because, as his father explained, driving Douglas and his ten-year-old brother Tom out of town toward the country, there were some days compounded completely of odor, nothing but the world blowing in one nostril and out the other. And some days, he went on, were days of hearing every trump and trill of the universe. Some days were good for tasting and some for touching. And some days were good for all the senses at once. This day now, he nodded, smelled as if a great and nameless orchard had grown up overnight beyond the hills to fill the entire visible land with its warm freshness. The air felt like rain, but there were no clouds. Momentarily, a stranger might laugh off in the woods, but there was silence...

Douglas watched the traveling land. He smelled no orchards and sensed no rain, for without apple trees or clouds he knew neither could exist. And as for that stranger laughing deep in the woods...?

Yet the fact remained — Douglas shivered — this, without reason, was a special day.

И напоследок он одарил город щелчком пальцев. Двери домов распахнулись настежь — из них вышли люди.

Лето тысяча девятьсот двадцать восьмого года началось!

В то утро, пробегая по лужайке, Дуглас Сполдинг разорвал паутинку. Одна-единственная, невидимая, протянутая по воздуху струнка коснулась его лба и беззвучно лопнула.

Уже это незначительное событие подсказало ему, что денек предстоит особенный. Потому что, как сказал ему в автомобиле папа, увозя его вместе с десятилетним Томом за город, бывают дни, состоящие исключительно из запахов: вдыхаешь весь мир в одну ноздрю, а выдыхаешь в другую. А бывают дни, продолжил он, обращенные в слух, когда улавливаешь любой шум и шорох во Вселенной. Бывают дни, пригодные для дегустации, и дни, благоприятные для осязания. А некоторые — для всех органов чувств сразу. А сегодняшний день, добавил он, благоухает, как большой безымянный сад, выросший ночью за горами и наполнивший землю, насколько хватает взгляда, теплой свежестью. В воздухе пахло дождем, но не было туч. В роще мог бы раздаться чей-то смешок, но царило молчание...

Дуглас следил за убегающей землей. Он не чуял ни садов, ни дождя, ибо какие могут быть запахи без яблонь и облаков? А тот смешок в чаще леса?

Но факт оставался фактом — Дуглас поежился, — этот день, без видимой причины, стал особенным.

The car stopped at the very center of the quiet forest.

“All right, boys, behave.”

They had been jostling elbows.

“Yes, sir.”

They climbed out, carrying the blue tin pails away from the lonely dirt road into the smell of fallen rain.

“Look for bees,” said Father. “Bees hang around grapes like boys around kitchens, Doug?”

Douglas looked up suddenly.

“You’re off a million miles,” said Father. “Look alive. Walk with us.”

“Yes, sir.”

And they walked through the forest, Father very tall, Douglas moving in his shadow, and Tom, very small, trotting in his brother’s shade. They came to a little rise and looked ahead.

Here, here, did they see? Father pointed. Here was where the big summer-quiet winds lived and passed in the green depths, like ghost whales, unseen.

Douglas looked quickly, saw nothing, and felt put upon by his father who, like Grandpa, lived on riddles. But...But, still...Douglas paused and listened.

Yes, something’s going to happen, he thought, I know it!

“Here’s maidenhair fern,” Dad walked, the tin pail belling in his fist.

Автомобиль остановился в самой гуще притихшего леса.

— А ну-ка, мальчишки, полегче там.

Они пихали друг друга локтями.

— Слушаемся, сэр.

Они вылезли из машины, прихватив синие жестяные ведра, навстречу запаху только прошедшего дождя, подальше от скучной грунтовой дороги.

— Ищите пчел, — велел папа. — Пчелы выются вокруг винограда, как мальчишки у кухни, правда, Дуг?

Дуглас вскинул глаза.

— Где ты витаешь? — поинтересовался папа. — Больше жизни! Иди с нами в ногу.

— Слушаюсь, сэр.

Они углубились в лес. Впереди — долговязый отец, в его тени — Дуглас, а низкий Том семенял в тени брата. Они подошли ко взгорку и огляделись по сторонам.

— Вот! И вот! Видно? — вопрошал отец. — Здесь обитают мирные летние ветры и уходят в зеленые дебри, незримые, как призрачные киты.

Дуглас быстро осмотрелся, ничего не заметив, и решил, что это очередной папин розыгрыш, который, под стать дедушке, обожал розыгрыши. Но... но все равно, Дуглас замер и прислушался.

«Да, что-то должно случиться, — подумал он, — я знаю!»

— Вот папоротник венерин волос. — Папа шагнул, сжимая дужку ведра, которое раскачивалось, как колокол.

“Feel this?” He scuffed the earth. “A million years of good rich leafmold laid down. Think of the autumns that got by to make this.”

“Boy, I walk like an Indian,” said Tom. “Not a sound.”

Douglas felt but did not feel the deep loam, listening, watchful.

We’re surrounded! he thought. It’ll happen! What? He stopped. Come out, wherever you are, whatever you are! he cried silently.

Tom and Dad strolled on the hushed earth ahead.

“Finest lace there is,” said Dad quietly.

And he was gesturing up through the trees above to show them how it was woven across the sky or how the sky was woven into the trees, he wasn’t sure which.

But there it was, he smiled, and the weaving went on, green and blue, if you watched and saw the forest shift its humming loom. Dad stood comfortably saying this and that, the words easy in his mouth. He made it easier by laughing at his own declarations just so often. He liked to listen to the silence, he said, if silence could be listened to, for, he went on, in that silence you could hear wildflower pollen sifting down the bee-fried air, by God, the bee-fried air! Listen! the waterfall of birdsong beyond those trees!

— Чуете? — Он взрыхлил почву носком ботинка. — Целый миллион лет копились палые листья для этой роскошной жирной лесной подстилки. Подумай, сколько понадобилось листопадов, чтобы она образовалась!

— Ух ты, — изумился Том, — я ступаю бесшумно, как индеец!

Дуглас впечатал ступню в суглинок, но глубины не ощутил, а только насторожился.

«Нас окружили, — промелькнуло у него в голове. — Значит, что-то должно случиться! Но что именно?» Он замер. «Выходите! Эй, где вы там?! Кто бы вы ни были!» — беззвучно кричал он.

Впереди Том с папой неспешно прогуливались по притихшей земле.

— Тончайшие кружева, — негромко проговорил папа.

И он вскинул руки к деревьям, показывая, как это кружево было сплетено по небу или как небо было вплетено между ветвей деревьев. Сразу не разберешь.

— Но вот же оно, — улыбнулся он, и голубо-зеленое плетение продолжалось. — Если приглядеться, то увидишь, как лес трудится на гудящем ткацком станке. — Папа удобно устроился и разглагольствовал о том о сем. Слова непринужденно слетали с его уст. Его речь потекла еще свободнее, поскольку он все время подтрунивал над собственными словами. Ему нравится слушать тишину, говорил он, если к ней вообще возможно прислушаться, ведь, продолжал он, в этой тишине можно услышать, как осыпается пыльца в воздухе, разо-